

**ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕДИТНЫХ РЕСУРСОВ
И ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ**

Елена Микаиловна МАЖИГОВА

старший преподаватель кафедры финансов и кредита, Чеченский государственный университет,
г. Грозный, Российская Федерация
arsen.tatuev@mail.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 9392-8368

История статьи:

Получена 06.03.2018
Получена в доработанном
виде 27.03.2018
Одобрена 10.04.2018
Доступна онлайн 27.07.2018

УДК 336.012.23

JEL: G00, G11, G23, G24

Аннотация

Предмет. В современных условиях инновационные факторы развития становятся определяющими компонентами социально-экономической трансформации. Однако российская структура кредитования противоречит интересам инновационного развития, хотя отражает потребности основных сегментов национальной экономики.

Цели. Определение направлений модернизации банковской деятельности исходя из вызовов современных технологий, позволяющих решить накопившиеся противоречия между воспроизводственными инвестиционными потребностями и практикой кредитования.

Методология. Основу анализа представляют структура корпоративного кредитования по видам экономической деятельности, динамика уровня просроченной задолженности, средневзвешенные процентные ставки и структура оборотов по кредитам, динамика капитала и мультипликатора банковского сектора, показывающие низкий уровень привлекательности банковского кредитования для заемного финансирования инвестиционных проектов в реальном секторе.

Результаты. Установлено, что для эффективного освоения технологии блокчейна следует сконцентрировать усилия на государственном уровне, создать интеграционные платформы, которые могут объединять действия участников из разнообразных локальных структур. Необходимо объединить преимущества государства и частного сектора в единой технологической цепи инвестиционного и финансового обеспечения расширенного воспроизводства.

Область применения. Полученные результаты исследования могут быть использованы для разработки новых технологических основ банковской деятельности в условиях современной социально-экономической трансформации.

Выводы. Банковская система не отвечает на инвестиционные требования расширенного воспроизводства, требуется существенное изменение внутри системы.

Ключевые слова:

инновационный процесс,
банковская деятельность,
воспроизводство,
кредитование инвестиций,
блокчейн

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Мажигова Е.М. Противоречия использования кредитных ресурсов и инвестиционных потребностей в российском воспроизводстве // *Финансы и кредит*. — 2018. — Т. 24, № 7. — С. 1560 — 1572.
<https://doi.org/10.24891/fc.24.7.1560>

В современных условиях инновационные факторы развития становятся определяющими компонентами социально-экономической трансформации. При этом объективными тенденциями инновационного процесса являются рост наукоемкости производственной деятельности, перемещение капитала в наукоемкие отрасли с высокой добавленной стоимостью, создание высокотехнологичных рабочих мест, изменение структуры факторов производства, сокращение транзакционных

издержек за счет формирования инфокоммуникационной инфраструктуры и др. Кроме того, воздействие информационных технологий на сдвиги в отраслевой структуре экономики происходит в виде перераспределения ограниченных экономических ресурсов и издержек между разными отраслями и сферами деятельности [1].

Инновационный процесс структурно определен глобальными, национальными и

локальными трансформационными сдвигами. Глобальные трансформационные сдвиги характеризуются влиянием тенденций постиндустриального уклада и становлением технологических лидеров — стран, формирующих облик глобальной экономики. Национальные сдвиги — макроэкономической диверсификацией отраслевой структуры производств на национальном уровне. Локальные — соотношением традиционных и инновационных факторов производства в границах отдельных производственных и институциональных структур¹. Данные структурные сдвиги демонстрируют долгосрочные тенденции технологического развития существующих производств.

При этом следует учитывать, что изменения в глобальной экономике обусловлены пятым технологическим укладом, отличающимся наличием Software, мультимедиа, доминированием информационных и биотехнологий, глобальных сетей. В результате наиболее развитые экономики мира базируются на использовании передовых достижений науки и техники, применении новых знаний и технологий в производстве. Использование инноваций в условиях современной конкурентной борьбы (обусловленной процессами глобализации и интенсификации производства) дает существенные конкурентные преимущества как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Это позволяет развитым странам в еще большей степени увеличивать отрыв в социально-экономических показателях от развивающихся стран.

В российской действительности в настоящее время в структуре корпоративного кредитования явно не просматривается компонентов пятого технологического уклада (*рис. 1*).

Основная доля (порядка 50%) в структуре корпоративного кредитования в 2017 г. приходилась на предприятия, занятые в таких видах экономической деятельности, как

обрабатывающие производства (21,7% от совокупного объема выданных в 2017 г. корпоративных кредитов по полному кругу нефинансовых организаций); оптовая и розничная торговля (14,4%); операции с недвижимым имуществом (14,2%). Оставшаяся часть была распределена между предприятиями, занятыми в других видах экономической деятельности. Таким образом, структура кредитования противоречит интересам инновационного развития, хотя отражает потребности основных сегментов национальной экономики.

Поэтому отдельно следует отметить особую роль представителей малого и среднего бизнеса (МСБ) в инновационном развитии экономики. Принято считать, что именно МСБ создает благоприятные условия для социально-экономического развития конкурентной среды, появления дополнительных рабочих мест, диверсификации производственного комплекса, расширения потребительского сектора, насыщения рынка разнообразными товарами и услугами, повышения экспортного потенциала, увеличения использования местных ресурсов и т.д. Кроме того, именно МСБ занимает важное место в обеспечении социальной стабильности, формируя средний класс. И во многом это достигается из-за того, что именно МСБ является основным «принципалом» инновационных процессов в экономике, поскольку в условиях рыночной конкуренции и ограниченности производственных ресурсов именно внедрение инноваций в производственную деятельность является чуть ли не единственным путем развития для субъектов МСБ. При этом проявляется эффект масштаба: отрицательные эффекты нововведений минимизируются за счет исходно небольшого размера предприятий, а положительные максимизируются за счет относительно небольшого объема затрат. Кроме того, в сравнении с крупными предприятиями малый и средний бизнес обеспечивает более высокую скорость выхода инновационных товаров и услуг на рынок, что объясняется отсутствием необходимости долгих бюрократических согласований. Также относительно небольшой размер МСБ

¹ Васькина М.Г., Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В. Инновационное развитие в контексте структурной модернизации: проблемы и тенденции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 57–64.

позволяет внедрять инновации с ориентацией на заполнение определенных ниш, которые в силу своего объема не привлекают крупный бизнес.

Как правило, МСБ занимается разработкой и опытным внедрением результатов НИОКР там, где высок риск. Благодаря чему становится на время монополистом, а затем либо укрупняет масштабы производства, либо продает права на товар, либо поглощается. В свою очередь крупные предприятия используют МСБ для пионерных работ, а государство всемерно это поддерживает. В развитых странах значительное количество нововведений осуществляется малым и средним бизнесом. Так, из 58 крупнейших изобретений XX в. не менее 46 принадлежит одиночкам, мелким фирмам, людям, не добившимся признания в крупных организациях, изобретателям из солидных фирм (но другого профиля). В целом же по странам с развитой экономикой именно субъекты МСБ обеспечивают порядка половины всех инноваций, количество которых на единицу затрат часто большее, чем в средних и больших предприятиях, а скорость их освоения на треть выше. Например, в США мелкие инновационные предприятия создают в 25 раз больше нововведений, чем большие компании. Доля интеллектуального капитала в суммарном показателе капитализации среднего современного высокотехнологичного предприятия в США достигает 85%. В странах ЕС порядка 50% ВВП и 85% занятых приходится на малые и средние предприятия. В Финляндии, к примеру, лесопромышленный кластер, обладая 0,5% мировых запасов древесины, занимает долю в 10% на мировом рынке экспорта продуктов лесопереработки, в том числе 25% на рынке качественной бумаги. В России же в настоящее время ситуация с развитием малого и среднего бизнеса и его инновационной активностью в корне отличается от практики стран с развитой экономикой. Так, доля МСБ в ВВП и занятости находится на уровне 15%. Общая доля предприятий, осуществляющих внедрение результатов НИОКР, не превышает

10%. А доля предприятий, осуществляющих НИОКР, и того ниже — порядка 1–2%².

Тем не менее банки в погоне за коммерческой прибылью игнорируют объективные потребности расширенного воспроизводства, опосредованные инвестированием фондов накопления в средства производства, в том числе основанные на инновационном процессе. Сегодня банки действуют исключительно как прибыльно ориентированные коммерческие организации, минимизируя свое участие в реальной экономике и сводя кредитование предприятий и организаций лишь к пополнению оборотных средств, а кредитование населения — к обслуживанию потребительских покупок и ипотеке. Для многих предприятий реального сектора экономики, особенно малых и средних, банковские кредиты недоступны. Парадоксальность ситуации заключается в том, что банки в таких условиях обладают избыточной ликвидностью. Поэтому есть все основания для утверждений о том, что на практике банковская система самоустранилась от обеспечения самого главного — экономического роста страны [2].

Подобному поведению коммерческих банков в современных условиях есть множество причин. В перечень ключевых проблем, препятствующих расширению кредитного канала привлечения инвестиций в реальный сектор российской экономики специалисты относят: низкий уровень капитализации коммерческих банков; структурные диспропорции национальной экономики; высокий уровень кредитных рисков, особенно в части долгосрочных проектов; отсутствие крупных независимых банковских структур и широкой практики синдицированного кредитования; дефицит коммерчески привлекательных инвестиционных проектов, соответствующих мировой практике; отсутствие экономических стимулов к кредитованию низкорентабельных отраслей реальной экономики; слабость нормативно-методической базы на федеральном уровне;

² Старков Р.Ф. Модернизация российской экономики и малый бизнес // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. 2011. № 2. С. 8 — 12.

низкий уровень развития судебной системы и защиты права собственности; отсутствие устойчивых принципов взаимодействия с государственными институтами; недостаточный уровень прозрачности информации о финансовом положении предприятий реального сектора; дефицит высококвалифицированных специалистов; слабый уровень конкуренции на кредитном рынке; региональные проблемы банковской системы; неразвитость банковской инфраструктуры [3].

Вместе с тем следует учитывать тенденцию к усилению концентрации банковского сектора, которая является достаточно устойчивой. Не стал исключением и 2016 г. (табл. 1). Согласно значениям индекса Херфиндаля—Хиршмана, распространенного в международной практике, концентрация по основным группам показателей банковской деятельности находилась на среднем уровне. Индекс отражает степень концентрации показателя и принимает значения от 0 до 1, где 0 соответствует минимальной концентрации, 0—0,1 — низкому уровню концентрации, 0,1—0,18 — среднему уровню концентрации, 0,18—1 — высокому уровню концентрации. За 2016 г. индекс концентрации активов увеличился с 0,107 до 0,111 (средний уровень концентрации); индекс концентрации кредитов нефинансовым организациям — резидентам увеличился с 0,137 до 0,147 (средний уровень концентрации); индекс концентрации капитала увеличился с 0,114 до 0,137 (средний уровень концентрации). А индекс концентрации вкладов физических лиц сократился с 0,233 до 0,23, оставшись при этом достаточно высоким.

В целом же следует отметить, что доля 200 крупнейших по величине активов кредитных организаций в совокупных активах банковской сферы за 2016 г. увеличилась с 97,2% до 98%. Аналогично увеличилась и доля пяти крупнейших банков в совокупных активах банковской сферы — с 54,1 до 55,3%. При этом по уровню концентрации активов отечественный банковский сектор сопоставим с банковскими секторами ряда стран Европейского союза. В частности, по индексу Херфиндаля—Хиршмана по доле пяти

крупнейших банков в совокупных активах Россия сопоставима с показателями из середины списка стран Европейского союза.

Достаточно важным фактором, снижающим кредитную привлекательность для коммерческих банков сегмента малого и среднего предпринимательства, является высокий уровень просроченной задолженности (рис. 2).

Так, в период с апреля 2009 г. по январь 2018 г. уровень просроченной задолженности (удельный вес просроченной задолженности в объеме общей задолженности) по субъектам малого и среднего бизнеса увеличился с 4,3 до 14,9%. При этом уровень просроченной задолженности по полному кругу нефинансовых организаций вырос с 3,3 до 6,7%. Дельта — разница между уровнем просроченной задолженности по МСБ и уровнем просроченной задолженности по полному кругу организаций — увеличилась с 0,9 до 8,3 п.п. По кредитам, выданным в рублях, уровень просроченной задолженности по субъектам МСБ в январе 2018 г. составила 15%, а по полному кругу нефинансовых организаций — 7,9%. По кредитам, выданным в иностранной валюте, уровень просроченной задолженности по субъектам МСБ в январе 2018 г. составил 14,2%, а по полному кругу нефинансовых организаций — 2,3%. Это в целом свидетельствует о том, что уровень просроченной задолженности в структуре общей задолженности среди субъектов малого и среднего предпринимательства в два и более раз выше, чем по крупным предприятиям. Отсюда и следует низкая привлекательность МСБ для коммерческого кредитования, а также высокий уровень кредитных ставок, а следовательно, и низкая доступность кредитных ресурсов на инвестиционные цели.

Соответственно, малый и средний бизнес, тем более в кризисных условиях, испытывает сложности в доступе к кредитному финансированию. Последствия такого положения дел отражаются как на активности отраслевых инвестиций [4], так и на региональном инвестиционном процессе³.

³ Шанин С.А. Региональная инвестиционная политика: современные подходы и направления модернизации // Белгородский экономический вестник. 2012. № 3. С. 16—22.

При этом следует отметить, что уровень процентной ставки по коммерческим кредитам для предприятий малого и среднего бизнеса (МСБ) существенно выше, чем для крупных предприятий.

Так, в январе 2017 г. (табл. 2) для нефинансовых организаций МСБ по кредитам до одного года размер кредитной ставки в среднем составлял 14,43%, в то время как по полному кругу нефинансовых организаций он находился на уровне в 11,61%. Аналогично и по среднесрочным кредитам: от 1 до 3 лет — 13,96% против 11,86%. Так же и по долгосрочным кредитам: более 3 лет — 13,28% против 12,99%.

Кроме того, из табл. 2 можно видеть, что основная масса кредитов, выданных в январе 2017 г. по полному кругу нефинансовых организаций, приходилась на краткосрочные кредиты до 1 года (70,17%). Еще 13,95% приходилось на среднесрочные кредиты от 1 до 3 лет. И 15,88% — на долгосрочные кредиты более 3 лет. Схожим образом срочность выданных кредитов была распределена и по субъектам малого и среднего предпринимательства: 65,64% кредитов, выданных МСБ, носили краткосрочный характер, 17,02% — среднесрочный, 17,34% — долгосрочный.

В целом же анализ структуры и динамики кредитования нефинансовых организаций позволяет сделать заключение о низком уровне привлекательности банковского кредитования для заемного финансирования инвестиционных проектов в реальном секторе. Высокий уровень процентной ставки делает недоступным инвестиционное кредитование с горизонтом ссудного фондирования от 1 года и выше. Усугубляют ситуацию и структурные диспропорции — преимущественное кредитование сырьевых секторов экономики, обладающих высоким уровнем рентабельности, по сравнению с секторами обрабатывающей промышленности, в которых высока доля НИОКР, но рентабельность ниже [5]. Вступление национальной экономики в период низкой инфляции, рост относительной стоимости банковского кредита для нефинансовых организаций и несоответствие

банковской системы вызовом нового времени, по сути, является причиной наблюдаемых проблем с замедляющимся расширенным воспроизводством и переходом его в форму суженного воспроизводства⁴.

Последствия кризиса десятилетней давности на рынке ипотечного кредитования в США (достаточно быстро переросшего в экономический кризис мирового масштаба и приведшего к социально-экономическому спаду практически во всех без исключения странах мира) позволяют предположить, что ключевой причиной превалирования коммерческих интересов банков над общественными является бурный процесс финансиализации экономик развитых и развивающихся стран [6, 7]. Данный процесс проявился в опережающем росте объема финансовых операций в сравнении с ростом ВВП и инвестиций в основной капитал [8]. Он подпитывался в период с 1980-х гг. и вплоть до кризиса 2007—2009 гг. устойчивым увеличением объемов сбережений, трансформировавшихся в различного рода ценные бумаги. Неуклонно возрастающий объем денежных потоков, циркулировавших на национальных и глобальных финансовых рынках, стимулировал инвестиционный процесс не только в секторах нефинансовых услуг и товаров, но и в самом секторе финансов.

В результате структура роста мировой экономики стала характеризоваться опережающим развитием финансового сектора по сравнению с другими секторами экономики. Так, в период с 1990 по 2015 г. номинальная стоимость совокупных финансовых активов в мире увеличилась с 42 до 294 трлн долл. США. При этом отношение стоимости финансовых активов к мировому ВВП увеличилось со 195% до 375%. Возросло и отношение номинальной стоимости совокупных финансовых активов к объему инвестиций, осуществленных в основной капитал, что вызвало интерес у мирового сообщества в годы посткризисного восстановления. В частности, в период с 2009 по 2015 г. совокупный ежегодный объем

⁴ Бурлачков В.К. Современная процентная политика центральных банков и феномен отрицательных процентных ставок // *Финансы и кредит*. 2016. № 47. С. 2—14.

инвестиций в основной капитал в реальном выражении по группе стран с развитой экономикой (США, страны ЕС, Великобритании и Японии) находился практически на неизменном уровне. Но одновременно с этим капитализация фондовых рынков этих стран увеличилась практически в два раза. А общая сумма активов национальных центральных банков возросла более чем в 1,5 раза [9]. Согласно докладу экспертов ООН по торговле и развитию, тенденция к опережающему росту объемов финансовых потоков по сравнению с ростом реальной экономики и в настоящее время набирает обороты⁵.

Взаимосвязь процесса финансовализации экономики, в котором современные банки играют ключевую роль, и возникновения финансово-экономических кризисов по распространенному мнению прослеживается следующим образом: в периоды процветания экономика переходит от финансовых отношений, способствующих стабильности системы, к финансовым отношениям, способствующим нестабильности системы [10]. Другими словами, накопление большого объема финансовых активов и задолженности в период экономического подъема порождает недооценку их рисков и переход от хеджированного леввереджа к спекулятивному режиму кредитного финансирования [11]. Падение же рыночной стоимости спекулятивных активов либо превращается в финансовую пирамиду, либо ведет к каскадному сбросу активов. Следствием чего является всеобщее обесценение активов и потеря устойчивости финансовой системы. Данный механизм достаточно хорошо описывает события, происходившие на рынке сабпрайм ипотечных долгов и деривативов на их основе в 2007—2009 гг.

В целом же продолжающийся процесс финансовализации экономики демонстрирует противоречие квазиобщественной сущности коммерческих банков, проявляющееся в расхождении коммерческих интересов банковских организаций и потребностей

расширенного воспроизводства. Для него важным является исполнение финансовыми посредниками функции инвестиционного обеспечения производственных потребностей. Поэтому банки по-прежнему должны обеспечивать аккумуляцию временно свободных денежных средств одних экономических агентов и предоставлять их во временное пользование другим, сокращая трансакционные издержки, трансформируя при этом объемы капитала, сроки его использования, а также связанные риски. Однако, ориентируясь на извлечение максимальной прибыли, коммерческие банки сегодня направляют кредитные ресурсы исключительно в те сферы экономики, которые приносят им быструю выгоду. В результате кредитный канал перестает обеспечивать финансирование реальных инвестиций в экономике, необходимых для расширенного воспроизводства потребительских и производственных товаров и услуг. А те сферы, которые должны развивать национальную экономику и служить интересам социально-экономического развития общества, остаются без необходимых для их роста заемных ресурсов.

В российской действительности процесс усугубляется падением рентабельности банковской деятельности, что отражается превышением динамики активов над динамикой капитала (*рис. 3*). Вследствие этого мультипликатор банковского капитала (финансовый левверидж — отношение активов к капиталу) в период с 2010 по 2017 г. увеличился с 6,37 ед. до 8,55 ед., достигнув максимального значения в 2015 г. в 9,8 ед. Повышение мультипликатора банковского капитала позволило нивелировать сокращение прибыли от банковской деятельности в условиях падения рентабельности. Этому же поспособствовало и планомерное увеличение капитала банков с 4,6 трлн руб. до 9,4 трлн руб. в основных рыночных ценах (в реальном выражении прирост составил 20,6%).

В условиях когда банковская система не отвечает на инвестиционные требования расширенного воспроизводства, в экономике существуют и иные ресурсы, на которые

⁵ World Investment Report 2016.
URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf

обращается дополнительное внимание. В частности, на денежные средства у населения, которые при определенных условиях могут получить инвестиционную направленность [12]. Однако это не является решением функциональных проблем банковского сектора.

Основным решением рассмотренных проблем должно стать существенное изменение внутри банковской системы. Направления модернизации следует определять исходя из перспектив становления и потребностей развития новых технологий в управленческой, организационной и финансовой сферах. Отвечающей всем направлениям является так называемая криптографическая технология блокчейн. Относительно финансового сектора она отличается большим количеством системных преимуществ, которые формируются на основе функционирования распределенных баз данных без необходимости выстраивания

непосредственных отношений между участниками кредитных процессов. Кроме того, важную роль играет отсутствие необходимости участия третьей стороны сделок.

Учитывая эти преимущества, многие финансовые структуры, в том числе и крупнейшие российские банки, уже активно развивают свои соответствующие платформы. Ставится также и задача по созданию корпоративного блокчейна. Однако, на наш взгляд, усилия по освоению технологии блокчейна следует сконцентрировать на государственном уровне, создавать интеграционные платформы, которые могут объединять действия участников из разнообразных локальных структур. Именно в таком случае можно будет объединить преимущества государства и частного сектора в единой технологической цепи инвестиционного и финансового обеспечения расширенного воспроизводства.

Таблица 1

Показатели концентрации (коэффициенты Херфиндаля – Хиршмана) российского банковского сектора (2014–2016 гг.), ед.

Table 1

Concentration indicators (the Herfindahl-Hirschman index) of the Russian banking sector (2014–2016), units

Показатель	2014	2015	2016
Активы	0,108	0,107	0,111
Кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные нефинансовым организациям — резидентам	0,144	0,137	0,147
Вклады физических лиц	0,213	0,233	0,23
Капитал	0,103	0,114	0,137

Источник: таблица составлена автором на основе данных: Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2016 году. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2017. С. 17

Source: Authoring, based on *Otchet o razvitii bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora v 2016 godu* [Report on the banking sector and banking supervision development in 2016]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation Publ., 2017, p. 17

Таблица 2

Средневзвешенные процентные ставки и структура оборотов по рублевым кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым организациям, в зависимости от срочности в 2017 г., %

Table 2

Weighted average interest rates and turnover structure on ruble-denominated loans provided to non-financial organizations by credit institutions, depending on maturity in 2017, percentage

Показатель	До 1 года	От 1 года до 3 лет	Свыше 3 лет
<i>Средневзвешенные процентные ставки по кредитам</i>			
По полному кругу организаций	11,61	11,86	12,99
По субъектам малого и среднего предпринимательства	14,43	13,96	13,28
<i>Структура оборотов по рублевым кредитам</i>			
По полному кругу организаций	70,17	13,95	15,88
По субъектам малого и среднего предпринимательства	8,1	2,1	2,14

Источник: составлено автором на основе данных: Процентные ставки и структура кредитов и депозитов по срочности: Статистика. URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=int_rat

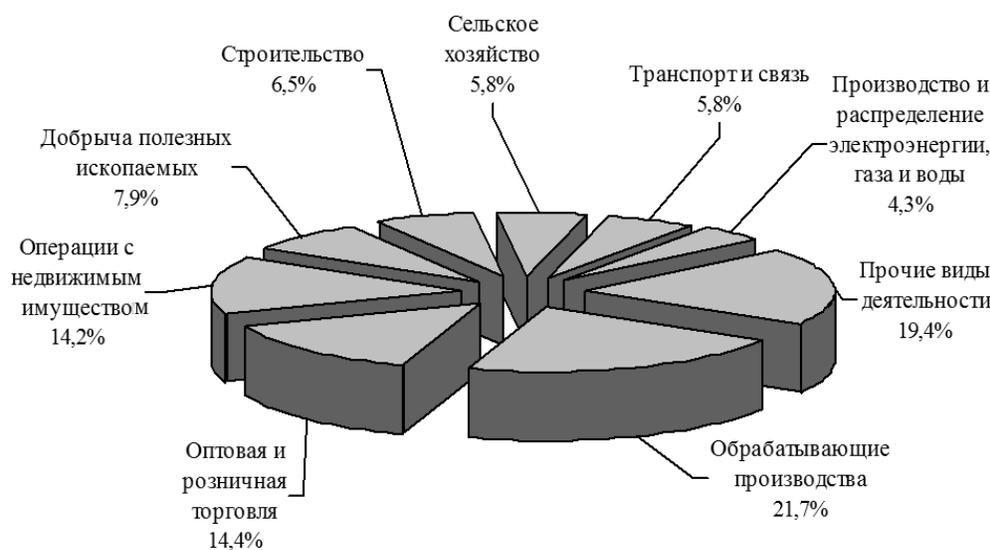
Source: Authoring, based on *Protsentnye stavki i struktura kreditov i depozitov po srochnosti: Statistika* [Interest rates and structure of loans and deposits by maturity]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=int_rat (In Russ.)

Рисунок 1

Структура корпоративного кредитования по видам экономической деятельности по полному кругу организаций в 2017 г.

Figure 1

Corporate lending structure by economic activity for the full range of organizations in 2017

Источник: диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2016 году. М.: Банк России, 2017. С. 30

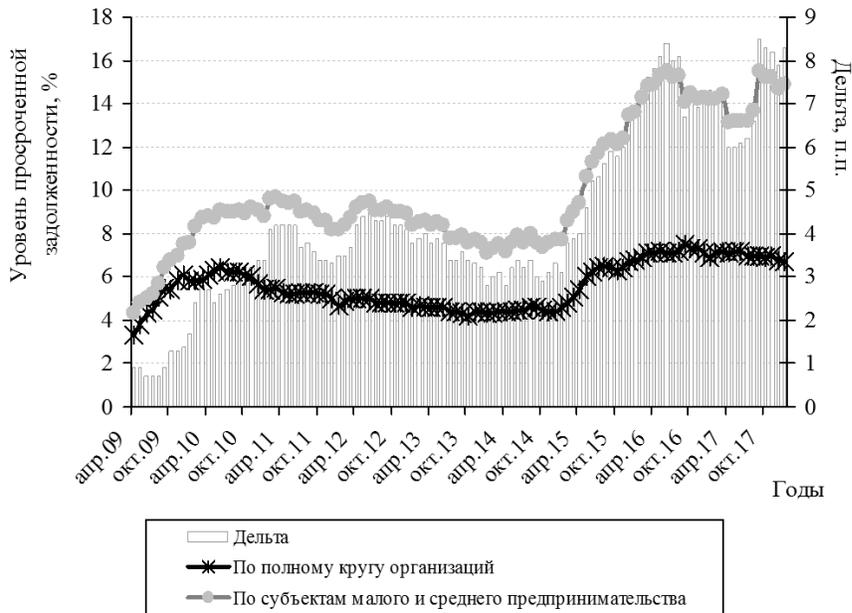
Source: Authoring, based on *Otchet o razvitiu bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora v 2016 godu* [Report on the banking sector and banking supervision development in 2016]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation Publ., 2017, p. 30

Рисунок 2

Динамика уровня просроченной задолженности (отношения просроченной задолженности к общей задолженности за соответствующий период, %) и дельты (разницы, п.п.) по полному кругу организаций и по субъектам малого и среднего предпринимательства в период с апреля 2009 г. по октябрь 2017 г.

Figure 2

Trends in the past due debt (the past due debt to total debt for the corresponding period ratio, in percentage) and the delta (difference in percentage points) for the full range of organizations and small and medium-sized businesses for the period from April 2009 to October 2017

Источник: диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Сведения о размещенных и привлеченных средствах: Статистика. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=sors>

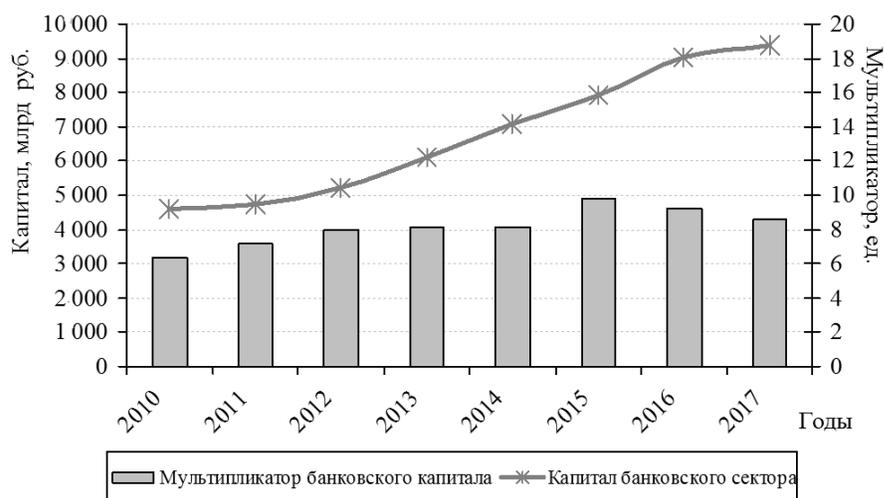
Source: Authoring, based on *Svedeniya o razmeshchennykh i privlechennykh sredstvakh: Statistika* [Granted funds and borrowings]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=sors> (In Russ.)

Рисунок 3

Динамика капитала (собственных средств) и мультипликатора банковского сектора в период с 2010 по 2017 г.

Figure 3

Trends in the capital (equity) and the banking sector multiplier for the period from 2010 to 2017

Источник: диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2016 году. М.: Банк России, 2017. С. 61

Source: Authoring, based on *Otchet o razvitii bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora v 2016 godu* [Report on the banking sector and banking supervision development in 2016]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation Publ., 2017, p. 61

Список литературы

1. Абузярова М.И. Методологические основы структурных сдвигов в экономике // Экономические науки. 2011. № 77. С. 181—185.
2. Аганбегян А.Г., Ершов М.В. О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. 2013. № 6. С. 3—11.
3. Роднина А.Ю. Модернизация реального сектора экономики и кредитная система РФ: проблемы неадекватности // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 5. С. 88—93.
4. Галазова С.С. Системные ориентиры инвестиционной отраслевой политики на примере промышленности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2013. № 2. С. 204—209.
URL: http://bulletinnosu.ru/images/stories/stats/2013_02/204-209.pdf
5. Березинская О.Б. Кредитование нефинансового сектора российской экономики: возможности и ограничения // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 63—74.
6. Булгакова А.В., Деникаева Р.Н. Финансовое происхождение мирового кризиса: его последствия и «уроки» // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 4. С. 39—44.
7. Киюцевская А., Трунин П. Эволюция глобального регулирования: усвоены ли уроки мирового финансово-экономического кризиса? // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 9. С. 48—53.

8. Мисанова И.Н. К вопросу о финансовых аспектах в эволюции экономических кризисов // Финансовая экономика. 2017. № 2. С. 47—52.
9. Паунович И. Проблемы реформы управления глобальной экономикой // Деньги и кредит. 2016. № 2. С. 12—23.
10. Minsky H.R. The Financial Instability Hypothesis. *The Jerome Levy Economics Institute Working Paper*, 1992, no. 74, 10 p.
11. Дубинин С.К. Финансализация экономического роста и российская национальная финансовая система // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 4. С. 6—21.
12. Татуев А.А., Бахтуразова Т.В. Современная роль сбережений населения: противоречия и реальность // Вестник института Дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2014. Т. 3. № 31. С. 23.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**CONTRADICTIONS BETWEEN THE USE OF CREDIT RESOURCES
AND INVESTMENT NEEDS IN THE RUSSIAN REPRODUCTION****Elena M. MAZHIGOVA**Chechen State University, Grozny, Chechen Republic, Russian Federation
arsen.tatuev@mail.ru
ORCID: not available**Article history:**Received 6 March 2018
Received in revised form
27 March 2018
Accepted 10 April 2018
Available online
27 July 2018**JEL classification:** G00, G11,
G23, G24**Keywords:** innovation
process, banking,
reproduction, investment
lending, small and medium-
sized businesses, blockchain
technology**Abstract****Importance** In modern conditions, innovative factors of development become the defining components of socio-economic transformation. However, the Russian lending structure contradicts the interests of innovative development, although it reflects the needs of the main segments of the national economy.**Objectives** The study aims to define areas of modernization in banking activities, proceeding from the challenges of modern technologies that enable to solve the accumulated contradictions between the reproductive investment needs and lending practices.**Methods** The analysis rests on the present structure of corporate lending by economic activity, changes in the level of past due debt, weighted average interest rates, and the structure of credit turnover, changes in the capital and the banking sector multiplier indicating a low level of attractiveness of bank lending for debt financing of investment projects in the real sector.**Results** Analytical and theoretical results of the study show that the banking system does not meet investment requirements of extended reproduction and requires significant internal changes. The findings may be useful for developing new technological foundations of banking under the current socio-economic transformation.**Conclusions** To effectively develop the blockchain technology, efforts should be concentrated at the State level through creating integrated platforms enabling to unite the actions of participants from a variety of local structures. In this case, it will be possible to combine the advantages of the State and the private sector in a single technological chain of investment and financial support to expanded reproduction.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Mazhigova E.M. Contradictions between the Use of Credit Resources and Investment Needs in the Russian Reproduction. *Finance and Credit*, 2018, vol. 24, iss. 7, pp. 1560–1572.
<https://doi.org/10.24891/fc.24.7.1560>**References**

1. Abuzyarova M.I. [Methodological framework for structural changes in the economy]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2011, no. 77, pp. 181–185. (In Russ.)
2. Aganbegyan A.G., Ershov M.V. [On the relation between the monetary and industrial policy in the banking system of Russia]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2013, no. 6, pp. 3–11. (In Russ.)
3. Rodnina A. Yu. [Modernization of real sector of economy and credit system of the Russian Federation: Problems of inadequacy]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki = Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*, 2015, no. 5, pp. 88–93. (In Russ.)
4. Galazova S.S. [Guidance System Investment Industry Policy for Example Industry]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Khetagurova =*

Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, 2013, no. 2, pp. 204–209.
URL: http://bulletinnosu.ru/images/stories/stats/2013_02/204-209.pdf (In Russ.)

5. Berezinskaya O.B. [Lending to non-financial sector: Opportunities and limitations]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 3, pp. 63–74. (In Russ.)
6. Bulgakova A.V., Denikaeva R.N. [The origin of the global financial crisis: Its implications and 'lessons']. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*, 2016, vol. 2, no. 4, pp. 39–44. (In Russ.)
7. Kiyutsevskaya A., Trunin P. [Evolution of global governance: Learned lessons of the global financial and economic crisis?]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic Development of Russia*, 2016, vol. 23, no. 9, pp. 48–53. (In Russ.)
8. Misanova I.N. [About the question of financial aspects of the economic crises evolution]. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics*, 2017, no. 2, pp. 47–52. (In Russ.)
9. Paunovich I. [Global Economic Governance in Need of Reform: How to Make the International Financial Architecture Work for Development]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2016, no. 2, pp. 12–23. (In Russ.)
10. Minsky H.R. The Financial Instability Hypothesis. *The Jerome Levy Economics Institute Working Paper*, 1992, no. 74, 10 p.
11. Dubinin S.K. [Financialization of economic growth and the Russian national financial system]. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.)
12. Tatuev A.A., Bakhturazova T.V. [A modern role of household savings: Controversies and reality]. *Vestnik instituta Druzhyby narodov Kavkaza. Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyaistvom = Bulletin of People's Friendship Institute of the Caucasus. Theory of Economics and National Economy Management*, 2014, vol. 3, no. 31, pp. 23. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.